

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ВЕРНИСАЖ

Групповой портрет с козочкой

В галерее «Уникум» открылась выставка Анатолия Каплана

Юлия Баталина

«Анатолий Каплан — художник. Он не разъясняет, он создаёт свои образы, рождённые и от поэзии любимых им книг, и от ощущения зрительного мира. Я знаю его литографии, порождённые рассказами Шолом-Алейхема. Они печальны и поэтичны, в них любовь молодых и мудрость старых, в них сказка старых, давно исчезнувших Касриловок. Они, может быть, действительно рождены повестями большого писателя, но они живут самостоятельной жизнью. Это не приложение к книге, а замечательные произведения искусства, где чёрный и белый цвета взяты настолько живописно, что создают впечатление полной цветовой гаммы.

Когда я гляжу на литографии А. Каплана, я вспоминаю произведения художников, которых можно назвать его земляками: Каплан родился в Рогачёве, Марк Шагал в Витебске, Сутин в Смиловичах. Их объединяют не только воспоминания о деревянных домиках, вывесках лавчонок, бородатых старцах, мечтательных юношах, но и ощущение сказочности, трагизм и в то же время страстная любовь к жизни. Всё это выражено не литературным пересказом, а языком искусства.

На стене комнаты, где я работаю, висят литографии А. Каплана, они приносят мне много радости. Я убеждён, что подобную радость испытают и обладатели этих листов».

Илья Эренбург

Эти слова стоило бы сделать эпиграфом к статье о выставке, открывшейся в галерее частных коллекций «Уникум», если бы цитата не была столь длинна. И всё же пусть она останется здесь, в тексте: слова писателя многое объясняют.

Выставка называется «Утешитель из Рогачёва» не только потому, что еврейское имя Каплана — Танхум — переводится как «утешитель», но и потому, что его искусство — доброе, умиротворяющее и смягчающее душу. По воспоминаниям коллег, Каплан и человеком был очень добрым, уравновешенным и неконфликтным, с отличным чувством юмора. Недаром собратья-художники так любили писать портреты Каплана — в экспозиции «Уникума» их аж три.

Его искусство даёт представление об источниках этой душевной теплоты: всё это — родом из детства, из маленького, почти сказочного патриархального мира штетла, навсегда сметённого историческими бурями. Почти вся семья Каплана погибла в Холокосте, из пятерых братьев и сестёр осталось двое. Художник взял на себя миссию хранителя и транслятора семейной и национальной памяти, передавая в своих работах не только сюжеты с деревянными домиками, белобородыми старцами, лошадами и козочками, но и ощущение счастливого детства, семейного тепла, которое довелось ему пережить на родине.

В 1950-е годы, после смерти Сталина, когда заглохли дела против «космополитов», Каплан обратился к еврейской теме и оставался ей верен всю жизнь. Этот выбор принёс ему и лишения, и победы. После выхода в 1957 году иллюстраций к рассказу Шолом-Алейхема «Заколдованный портной» — богатых, декоративных, с красивыми национальными орнаментами и надписями на иврите — на секции графики в Ленинградском отделении Союза художников (Каплан остался в Ленинграде после окончания ВХУТЕМАСа и прожил там всю жизнь) его начали разносить за чрезмерное увлечение национальной эстетикой. Зато в 1960–1970-е годы еврейская тема принесла художнику международную известность: тогда в ГДР начали активно «отрабатывать» вину за военные преступления, и именно в этой стране были опубликованы лучшие альбомы и каталоги работ Каплана.

С тех пор работы художника активно коллекционируются на Западе. Они есть и в Музее Гуггенхайма, и в музеях Ватикана. Одно время он был самым продаваемым художником СССР... При этом жил так бедно, что зимой выходил на улицу по очереди с женой: у них было одно пальто на двоих. Однокомнатную квартиру он получил лишь после того, как в его коммуналку пришёл в гости министр культуры ГДР: советскому начальству стало неудобно.

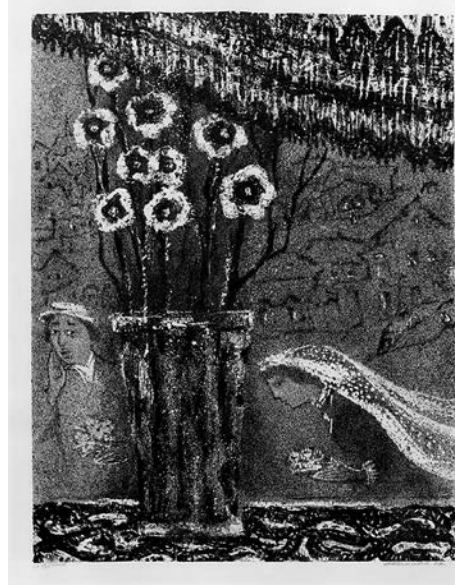
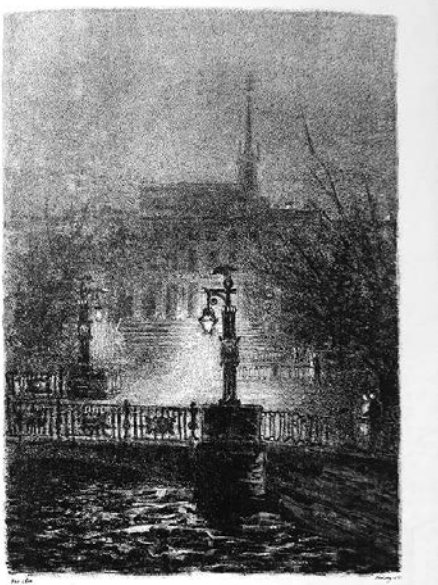
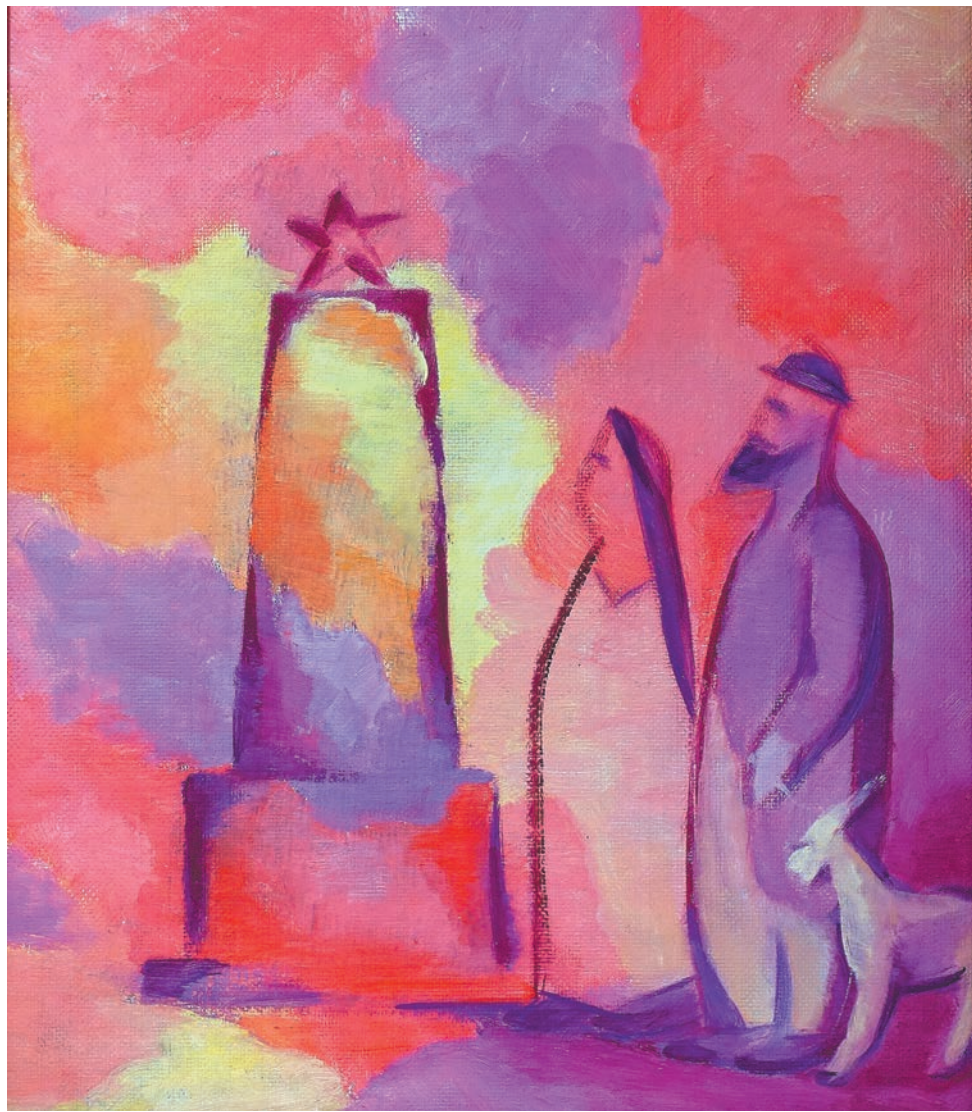

ФОТО ВАДИМ ЗУБКОВ

То, что у пермского коллекционера Игоря Фомина оказалось большое собрание работ Каплана, — настоящее чудо. Главное сокровище — это, конечно, серии литографий, огромные, до 100 с лишним листов, но есть и рисунки, и живопись, и керамика. Нынешнюю выставку арт-директор галереи Вадим Зубков характеризует как превью: из каждой серии взято по три-четыре-пять листов, более подробное знакомство ещё впереди.

Каплан был непревзойдённым мастером литографии. Коллега Виктор Конашев называл его «мучителем камня»: Каплан много работал с камнем ещё до нанесения рисунка, добываясь особой фактуры для каждой графической серии. Визуальные эффекты, которых ему удавалось достичь, порой совершенно невероятны: так, серия иллюстраций к роману Мендела Мойхер-Сфорима «Фишка Хромой» сделана так, как будто рисунки не оттиснуты с камня, а выдолблены на камне.

Вообще, Каплан любил сложные, трудоёмкие техники. В керамике, например, ему мало было шмота в чистом виде: он добавлял глазурь, стеклянные вкрапления, позолоту. В то же время принципиально неверно было бы называть его технологичным художником: его работы в той же, если не в большей степени рукотворны. Он был великолепным рисовальщиком, мастером чистой, простой и выразительной линии; обладал удивительным даром вдохнуть ощущение жизни в серо-

белый карандашный рисунок. Он блестяще сочетал орнаментальность и психологизм, умение создать тёплых, живых персонажей и энергичные, жизненные сюжеты — с красотой и праздничностью оформления листов.

Совершенно особенное качество книжных иллюстраций Каплана — юмор, так тонко сказывающийся в образах животных. Его герои частенько появляются в компании собачек, лошадей, коров и особенно часто — козочек, не только там, где это нужно по сюжету (в «Заколдованном портном» козочка не только в иллюстрациях, но и на обложке книги), но и там, где сюжет, казалось бы, от этого далёк: в живописном полотне 1974 года «Рогачёв. Семья и козочка у памятника» пожилые жители городка пришли вместе со своей козочкой к памятнику павшим в Великой Отечественной войне, и это бесконечно трогательно.

То, что пермякам сегодня доступна та радость, о которой пишет Илья Эренбург, очень справедливо: в годы войны художник был в эвакуации в Пермской области, преподавал рисование детям Чусового и Лысьвы, а позже жил в «Семизтажке» по соседству с композитором Арамом Хачатуряном. Он часто бывал в гостях в пермской семье Футликов, и в мастерской архитектора Менделя Футлика можно найти его работы.

Выставка «Утешитель из Рогачёва» работает в галерее «Уникум» до 13 января 2019 года.